

На правах рукописи

ДАЯНДОРЖ Алтанцэцэг

**ИМЕННАЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ
В КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО И МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ**
(на материале памятников письменности и народных календарей)

10.02.20 – сравнительно-историческое, сопоставительное
и типологическое языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань 2008

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики его преподавания ГОУ ВПО «Липецкий Государственный педагогический университет»

Научный руководитель доктор филологических наук профессор
Звездова Галина Васильевна

Официальные оппоненты доктор филологических наук профессор
Хисамова Венера Нафиковна
доктор филологических наук профессор
Николаев Геннадий Алексеевич

Ведущая организация ГОУ ВПО «Саратовский
государственный университет»

Защита состоится 26 декабря 2008 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина» по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 35, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «24» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук доцент

Т.Ю. Виноградова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертации обусловлена необходимостью изучения временной лексики неродственных языков, которое дает возможность выявить и описать общее и специфическое в них, что представляется значимым в плане сопоставительного исследования языковой картины мира. В монгольской филологии не исследована именная темпоральная система с точки зрения отражения в ней картины мира. В науке также отсутствуют работы с элементами сопоставления ее с данными других языков. Принимая в качестве рабочей когнитивно-ментальную концепцию языка, мы ориентируемся на описание временной картины мира с учетом специфики речемышления древнерусского и древнемонгольского этносов.

Объект исследования – временная картина мира как один из важнейших фрагментов языковой картины мира этноса.

Предмет изучения – именная темпоральность в картине мира русского и монгольского языков, получившая отражение в памятниках письменности и народном календаре.

Цель диссертационного исследования – рассмотреть историю развития и функционирование основных временных концептов на материале литературных памятников, описать именную темпоральность как основу реконструкции временной картины мира в русском и монгольском языках, выявить специфику народных календарей и временной афористики с точки зрения отражения в них картины мира.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

- *описать* основные временные концепты письменных памятников: «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Наставление как человеку познать счисление лет» («Учение Кирика Новгородца»), «Сокровенное сказание монголов», фиксируя важнейшие моменты отражения в них картины мира того и другого этноса;
- *изучить* исходные принципы развития семантики именной темпоральности в древнерусском и древнемонгольском языках;
- *выявить* реальные и сакральные смыслы именной темпоральности в русском и монгольском языках;
- *показать* русский народный календарь в свете отражения картины мира;
- *охарактеризовать* монгольский народный календарь с точки зрения отражения картины мира;

- *проанализировать* временной материал народного календаря в плане содержания и специфики развития его временной лексики;
- *рассмотреть* русские и монгольские народные пословицы как средство языкового выражения временной картины мира.

Научная новизна работы определяется отсутствием в современной филологической науке специальных исследований по временной лексике сопоставительного плана. В ходе проведенного нами анализа выявлены черты и определена специфика древнерусского и древнемонгольского слова как условие и способ освоения мира; установлены и подтверждены основные принципы развития именной темпоральности данных языков на материале древних текстов, которые в концептуальном плане изучаются впервые; обнаружены сходство и различие временной картины мира в русском и монгольском языках.

Методологическая основа диссертации – базовые работы по общим проблемам *язык и духовность, язык и ментальность, роль слова в формировании национальной картины мира* (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, А.Ф. Лосев, В.В. Колесов и другие), а также исследования по проблеме *языковое время и этнос* (Е.С. Яковлева, Г.В. Звездова и другие).

Материал исследования – данные *картотеки*, насчитывающей свыше 2000 единиц, извлеченных путем сплошной выборки из текстов разножанровых произведений древнерусского языка («Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», «Наставление как человеку познать счисление лет» или «Учение Кирика Новгородца») и древнемонгольского языка («Сокровенное сказание монголов»), параллельных переводов последних; а также материалы *народных календарей, народная временная афористика* из сборников русских, монгольских пословиц. Использовались различные источники российской и монгольской академической лексикографии: толковые, общезыковые, этимологические, исторические словари, что позволило наиболее полно представить лексический временной материал и описать его семантику.

Методы исследования обусловлены его целью и задачами: концептуальный, описательный, этимологический, сопоставительный, сравнительно-исторический, статистический.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ключевые временные концепты древнерусских и древнемонгольских текстов воплощают важнейшие черты языковой картины мира этносов, что обуславливает концептуальный анализ исследуемого материала.

2. Основные принципы развития именной темпоральности в русском и монгольском языках древнего периода – синкретизм и формульность.
3. Именная темпоральность русского и монгольского календарей отражает наивно-целостную и природно-эмпирическую картину мира.
4. Русские / монгольские народные пословицы и поговорки являются ценным источником, средством формирования национальной временной картины мира.
5. Признаковость, качественность составляют основную специфику именной темпоральности в древнерусском и древнемонгольском языках.
6. Миры материально-физической и духовно-сакральной культуры изначально представлены во временной системе в единстве. Впоследствии в результате развития цивилизации они лишаются целостности, что находит отражение в современных лингвистических словарях.

Теоретическая значимость диссертации состоит в обосновании актуальности соединения генетического и семантического подходов, в реализации когнитивно-ментальной концепции языка. Временная лексика, извлеченная нами из памятников письменности русского и монгольского языков позволила уточнить исходные принципы развития семантики именной темпоральности, а также выявить отражение в темпоральной системе разнородного материала становления временной картины мира этносов.

Практическая ценность работы определяется возможностью использования результатов исследования при составлении словарей концептов, словарей ментальности русского и монгольского языков; в изучении специфики народных календарей и афористики; в практике перевода и преподавании сравнительно-сопоставительных дисциплин; в дальнейших тематических прикладных изысканиях.

Апробация работы. Основные положения исследования изложены в докладах на научных конференциях: «Язык в современных социолингвистических координатах» (г. Липецк, 13-14 апреля 2006 г.); «Язык как средство формирования интернациональной ментальности» (г. Липецк, 1-2 февраля 2007 г.); на форуме русистов Азии и Конгресса Монгольской АПРЯЛ «Русский язык в Азии: современное состояние и тенденции распространения» (г. Улаанбаатар, Монголия, 12-14 июня 2007); «Русская словесность как основа возрождения русской школы» (г. Липецк 21-23 сентября 2007 г.); семинары, конференции аспирантов и преподавателей кафедры современного русского языка и методики его преподавания ЛГПУ, кафедры русистоведения Монгольского университета науки и технологии (2006-2008 гг.).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии (189 наименований), включающей список текстовых источников, научной литературы, словарей и энциклопедических изданий.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяется степень ее изученности, формулируются объект, предмет, цели и задачи исследования, содержится характеристика материала и методов его анализа, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, указываются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Отражение картины мира во временной лексике древнерусского и древнемонгольского языков»** рассматривается отражение временной картины мира этносов в содержании и функционировании основных временных концептов в древнерусских и древнемонгольских текстах, выявляются основные принципы развития именной темпоральности. Темпоремы анализируются в плане развертывания синкреты-имени и развития основной идеи первосмысла, выражения в них реальных и сакральных смыслов. Каждому концепту посвящен отдельный подпункт параграфа.

В параграфе 1.1 **«Основные временные концепты, их содержание и функционирование в древнерусских текстах»** исследуются ведущие темпоральные единицы: время, дѣнь, вѣкъ, годъ, лѣто на материале памятников письменности древнерусской литературы «Слово о полку Игореве»; «Повесть временных лет»; «Учение Кирика Новгородца». Отмечается, что источники древнего периода бесценны в плане уяснения отраженной в них картины мира этноса, если учесть взаимодействие личного и народно-коллективного опыта в нравственно-этическом и эстетическом освоении действительности. Раннее средневековье во многом продолжало досредневековую мифопоэтическую традицию, для которой характерна наивно-целостная картина мира.

В *подпункте* 1.1.1 представлена темпорема **время**, этимолом которой ученые считают “колею, рытвину, дорогу, след от вращающегося колеса” (и.-евр. **uertmen**, санскр. **vart**), что раскрывает основную идею вечнодвижущегося круга. Лексема выступает 8 раз в «Слове о полку Игореве» (в переводе Д.С. Лихачева – 15). **Время** вне синтагмы не зафиксировано, что подтверждает широкое функционирование формул-синтагм в древнерусском

языке. Из 8 случаев употреблены две формы множественного числа лексемы, что характеризует древнерусское представление о времени как *событии*.

В «Учении Кирика» лексема выступает дважды в формуле *до сего времени*. Вместо формулы *с того времени* используется местоименное обстоятельство **оттуда**; вместо *до настоящего времени* – **до с году**. Перед нами нерасчлененное пространство-время, в значении времени выступает слово **годъ**. Таким образом проявляется синкретизм временной лексики, богатство ее оценок, выражается качественный характер, что воссоздает антропоморфность времени в древний период.

В «Повести временных лет» **время** употреблено 48 раз и активность лексемы своеобразна: она использована с указательным местоимением 34 раза. Это убеждает в том, что дейксис характерен для временной лексики древнерусского языка. Форма множественного числа лексемы представлена 13 раз, что подтверждает значение совокупности *времен* и широкое использование множественного числа в значении *время-событие*. Лексемы с собирательным значением (*безвремяе, маловремяе*) отражают одушевленный характер воспринимаемого времени. В значении темпоремы **время** дважды употреблен **год**, поскольку время дано в движении и развитии, возвращении и повторении. В переводе «Повести...» на современный русский язык **время** выступает 68 раз, ибо не только в древнерусском, но и в современном русском языке **время** выступает ведущим гиперонимом темпоральной системы, что подтверждает синкретный характер временной лексики. Значение лексемы могло передаваться другими словами, и она вбирала в себя значения лексем **год, лето**.

Подпункт 1.1.2 посвящен концепту **день**. Единство материальной и духовной жизни, создание целостной картины мира нашли отражение в содержании временной лексики в целом, которая концептуализировала взаимодействие человека с окружающим миром. Это положение подтверждает функционирование лексемы **дѣнь**, восходящей к лат. *dies*, Диана – «богиня света и жизни» (и.-евр. **di** – «светить»). Как временная категория она отражает конкретно-реальное понятие, обозначая синкрету день-свет (Г.В. Звездова).

В «Слове о полку Игореве» **дѣнь** употреблен лишь 4 раза в синтагмах (в переводе Д.С. Лихачева – 8 раз).

В «Учении Кирика» лексема содержится в синтагмах: *до се дни, дни избыточные, единъ дѣнь* и др. В научном тексте XII в. используется формула с терминологическим значением *дни избыточные* как календарно *лишние дни*.

В «Повести...» насчитывается 238 случаев употребления лексемы (по частотности – вторая) в разных формулах: *по вся дни* в значении «постоянно»; *до днешнего дне* – «по нынешний день»; *вся дни живота своего* – «все дни твоей жизни»; *во оны дни* – «в те дни»; *в нощи и въ дне* – «ночью и днем»; *и не по мнозѣхъ днехъ* – «и немного дней спустя» и др., которые отражали процесс восприятия реального времени и освоения временных параметров. Богатая вариантность формул свидетельствует о поисках новой формы для вычленившегося из первоначальной синкретной единицы значения, например, *день и ночь* (8 случаев) в значении «постоянно». В памятнике в единичных случаях **день** заменяет слово **сутки**, что характерно и для монгольского языка. Контекст показывает: жизнь мерилась днем. **День** выступает в значении «жизнь», в отличие от монгольской лексемы **өдөр** – «день». Ярко выражается сакральность в формуле *день судный*.

Лексема *днище* – «длина пути» подтверждает мысль о начавшемся расхождении пространства и времени из первоначально пространственно-временных единиц (в совр. гов. «день пути»). Главным реальным ориентиром, основанным на природном цикле, выступало слово **день**, и это отражено в его повторяемости. В концепте **день** ярко проявляются сакральное / реальное представление о мире, что характеризует целостность мировосприятия в языковой картине русского этноса в древний период.

Темпорема **вѣкъ** (подпункт 1.1.3) имеет родство с лит. **viekas** «сила, жизнь». В исторических словарях находим 4 значения лексемы : 1) жизнь, возраст; 2) вечность; 3) время; 4) век “тысячелетие”.

Из 5 случаев употребления в «Слове...» **век** трижды выступает в значении «жизнь», дважды – «время, годы, эпохи», в обоих случаях с притяжательным прилагательным «Трояны». В «Учении Кирика» темпорема **век** содержится во фразе *о вѣце мира* в значении «о веках мира».

В «Повести временных лет» **вѣкъ** употреблен 23 раза (темпорема не самая частотная), но семантика ее неоднозначна. 5 раз **вѣкъ** употреблен в значении «жизнь», чем, судя по контекстам, подчеркивается онтологическая, физическая характеристика бытия. 2 раза лексема употреблена в значении «время», в 3 случаях – «мир, свет», 11 раз – в значении «вечно», преобладающем в памятнике. Формула *во веки веков* (1 раз), отражая восприятие времени, гармонирующее с природными циклами, показывает их осмысление в протяженности, бесконечности. Формулы *вѣка въ вѣкъ*, *во вѣки вѣков*, *в вѣки* явно выступают и в реальном, и в сакральном значении, которые

на ранней стадии русского языка взаимодействовали. Впоследствии они стали употребляться в значении «навсегда, навечно, постоянно». *Вѣкъ сей* – «жизнь земная» и *вѣкъ будущий* – «жизнь неземная» всегда выступали для обозначения сакральных временных понятий.

В функции исторической единицы век – «1000 лет» лексема встречается в «Учении...». В качестве первой семы **век** в современных словарях русского языка без расхождений дается «100 лет, столетие». Толковый словарь Д.Н. Ушакова рассматривает «жизнь» (разг.) как основное значение данного слова. Характерно, что вместо старого значения «тысячелетие» словари дают «неопределенно-долгое время». Со временем лексема утвердилась в значении «100 лет». В древнерусском языке **век** – это жизнь и вечность, это смерть и бессмертие. Диалектика жизни и смерти, конечного и бесконечного отражена в лексеме и ее формулах. Слово **век** наиболее емко и по семантике и в плане осмысления гносеологического / аксиологического времени. Анализ показывает, что лексема отражает попытки древнего человека постичь бытие и жизнь.

В подпункте 1.1.4 описывается темпорема **год(ь)**. М. Фасмер приводит в качестве этимона **god**. А.Г. Преображенский считает **god**, восходящим к санскр. **gadk** – «крепко держать, овладеть». **God** семантически первоначально не «время» вообще, а «случай, повод, срок, подходящее время», что соответствует семантике *goditi*. В изучаемых памятниках при указании календарного года вместо **годъ** используется **лѣто**. Лексема **год** не зафиксирована в «Слове о полку Игореве».

В древнерусском языке **годъ** употреблялся в значении определенного времени, но не в смысле его измерения, а оценки. В «Учении Кирика» **годъ** используется в значении и общего времени и своевременности, удачности. Формирование понятия **год** шло во взаимодействии с лексемой **лето** и сопровождалось постепенным снятием с синкреты **год** временных, оценочных значений, которые были эквиполентны на уровне слова-синкреты.

В «Повести...» находим раннюю формулу *от(ъ) года до года* (она выступает дважды, а лексема – 4 раза), означающую “календарный год”. Она имела несколько значений: «постоянно, всегда, ежегодно», «в течение года», «в году», «целый год». Дважды встречается формула и в «Учении Кирика» (лексема – 3).

Година в «Слове...» выступает 3 раза. По данным частотных словарей, она малоупотребительна среди ключевых лексем, и в нашем материале единственный случай фиксируем в «Повести...». Специфика ее обусловлена

оценочно-выделительным, количественно-качественным значением суффикса – **ин-а**. По данным БАС и толковых словарей, **година** фактически стало принадлежностью высокого, книжного стиля. Древнерусские памятники отражают количественно-качественное развитие семантики слова **годъ**. На раннем этапе развития русского языка употребление лексемы **год** в значении астрономического термина единично, на ее месте выступало **лѣто**. Полагаем, постепенно в постоянном взаимодействии выкристаллизовывались значения год – «астрономическая единица», лето – «время года».

В подпункте 1.1.5 исследуется лексема **лѣто**. М. Фасмер и А.Г. Преображенский допускают 4-5 версий ее происхождения: 1) глагол лить, «время, период дождей»; 2) лето – «юг, летний, южный, теплый»; 3) др.-гутн. *latigs* – «весной», ирл. *laithe* – «день»; 4) гот., *dags* – «день» др.-прусск. *dagis* – «лето», лит. *dagas* – «жатва»; 5) лат. *laetus* – «прекрасный», *leto* – «прекрасное время». Очевидно, первообразы слова связаны прежде всего с природой. На примере этой лексемы наглядно действует принцип части вместо целого: **лето** – в значении «год» содержит в себе «часть года» и существует общая ступень синкретности: лето – в значении «время» включает и лето – «год». В «Повести...» **лѣто** выступает в значении «время». По данным «Учения...» и «Повести...», видно, что границы астрономического года не фиксировались четкими датами.

В «Повести...» **лѣто** выступает 366 раз (самая частотная среди лексем); это связано с употреблением лексемы **лето** в значении **год**. В «Слове...» **лѣто** фиксируется 1 раз: *лѣта Ярославля – “годы Ярослава”*.

Употребление двух лексем в одном контексте в «Учении...» наглядно показывает их тесное сосуществование. Будучи многозначной синкретой, **лѣто** не выступало в сугубо терминологическом значении. Противоречие в его семантике создавалось значениями **лето** – «год» и **лето** – «время года».

В параграфе 1.2 «**Основные временные концепты, их содержание и функционирование в древнемонгольском тексте**» рассмотрены ведущие темпоральные единицы в «Сокровенном сказании монголов»: *цаг* – «время», *өдөр* – «день», *шөнө* – «ночь», *хоног* – «сутки» *жил* – «год», *он* – «год, лет». Изучение временной лексики памятника раскрывает не только богатство и выразительные возможности древнемонгольского языка, но и взаимоотношение этноса с миром в древний период.

Синкретизм как «нерасчлененность» свойственен мифопоэтическому сознанию, представляющему «вещь» как целостность, со всеми ее атрибутами и

функциями, включая также и «имя» вещи (В.В. Колесов). Очевидно, путем синкретизма мифопоэтическое сознание отражало в слове целостность познаваемого мира, соединяя физическую природу, время и духовность с общей материальной основой. Данное положение подтверждается спецификой как временной, так и календарной лексики в древнемонгольском языке. Исследование показало: изучаемые темпоремы представляют собой синкреты.

Подпункт 1.2.1 посвящается лексеме **цаг** – «время». Ш. Цэцэнцогт связывает первооснову со словом **цааз** – «закон, запрет, запрещение» и считает ее исконно монгольской. Л.Г. Скородумова понимает как производную от древнетюркской основы **саг** – «время, пора». Словосочетание *цаг хугацаа* достаточно полно передает значение русской темпоремы **время**. В данном случае проявляется весьма своеобразный временной синкретизм: **цаг** означает и «время», и «час» и «время года», вместе с тем, соединяясь со словом **хугацаа** – «срок», она передает значение новой синкреты «время». В «Сказании» **цаг** выступает 21 раз и несет в себе представление о вращении природных кругов, создающих единую картину мира. Синкретизм значений **цаг** делали ее ведущей в темпоральной лексической системе языка: она выражает в памятнике значение «пора, отрезок времени», «период, конкретно определенное время», «возрастной период» со словами-указателями.

В древнемонгольском языке время предстает как *время-событие* в употреблении формы множественного числа (синкрета числа, нерасчлененное множество). Со временем **цаг** приобретает значения «погода», «климат», которые появляются не просто за счет снятия с синкреты темпорального значения, а соединением с иным, иногда далеким от временной лексемы значением, что создавало лексему-синтаксему. Последняя могла входить в круг временной терминологии: *цаг уур* – «погода» (*цаг* – «время», *уур* – «пар, испарение») и пр.

В памятнике она употреблена в значении *час* – один из 12 сдвоенных часов суток по лунному календарю: “*Тэнгэр газрын заяан **цаг** их ор егүүтгэхүй **цаг** болов уу?*”. (*Не пробил ли **час** падения династии соизволением на то неба и земли.*). В примерах такого рода мы можем говорить о сакральном характере времени, когда есть соизволение на время-событие «неба и земли». Речь идет о языческой сакральности, когда обожествляли небо, землю, тем самым выстраивая целостную картину мира. Таким образом, синкретизм временных лексем обусловлен природностью времени и выступает как способ и условие освоения мира древнемонгольским этносом. Главный гипероним временной

лексики **цаг** восходит к древнейшему пласту монгольского языка, обладая самым широким значением «время».

В подпункте 1.2.2 дается описание лексемы **өдөр** – «день» (самая частотная в памятнике). Мы придерживаемся мнения Ц. Базаррагчаа, связывающего лексему с **эдү-кү (өдөх)** – «начинать, побуждать, затевать что-либо», то есть она восходит к первооснове «начальная пора для занятия человека трудом или какой-нибудь деятельностью», связанной со светом и его животворящим началом. В «Сказании» **өдөр** является метонимической заменой слова **хоног** – «сутки». Есть понятия *сайн өдөр* – «благоприятный день», *муу өдөр* – «неблагоприятный день». Благоприятные дни должны принести человеку все положительное, а неблагоприятные – наоборот. Действие может быть успешным или безуспешным в сознании в зависимости от времени (год, месяц, день, час) совершения. Поэтому **день**, как и **время**, ценностно и эмоционально насыщен у монгола.

Глагольное сочетание лексемы в тексте памятника позволяет сделать вывод, что в монгольской языковой картине мира древнего периода слово **өдөр** – «день» ассоциируется со светом. Контексты подтверждают отношение древних монголов ко дню как к близкому, конкретному понятию. Безличное явление природы передается антропоморфно: день олицетворен, он растет, появляется, составляя синкрету день-свет. Прослеживается развитие формулы *өдөр шөнө* – «день и ночь» в значении «беспрерывно, не переставая, круглые сутки», как в древнерусском языке. По материалам памятника, день полнолуния был особо благоприятным. Следовательно, в сознании древнего монгола луна выступает как центр временной системы. Выражение монгольского языка *өдөрчийн газар* – «расстояние дневного пути» (сопряженность времени и пространства) характерно и для современных русских диалектов, и русского языка в целом. **День** выступает доминантой в выражении реального времени на раннем этапе развития монгольского языка. Образно-символическая составляющая данной лексемы указывает на ее природную сакральность. В концепте **өдөр** – «день» проявляется как сакральное, так и реально-векторное представление о мире, что подтверждают выводы о целостности мировосприятия в картине мира древнемонгольского языка.

В подпункте 1.2.3 рассмотрена лексема **шөнө** – «ночь» (вторая по частотности). Б.Я. Владимирцов и Ц. Базаррагчаа считают, что лексема происходит от монгольского этимона **tuni** ~ **tune** «мрачный, темный, стемнеть». Первооснова же **tune** осталась в монгольском языке как

прилагательное *түнэр* – «мрачный, темный». **Шөнө** – «ночь» и **өдөр** – «день» образуют словосочетание со значением «некоторое время, некоторые сутки», а также «беспрерывность и постоянство». Фиксируется пример, когда **шөнө** – «ночь» может быть ясной, как **өдөр** – «день», при наличии светлого месяца. Сравнение *өдөр шөнө шиг ялгаатай* – «разные, как день и ночь» указывает на различие и непохожесть. А *шөнө өдөргүй* – «и днем и ночью» (букв. «без различия дня и ночи») образует значение «без промежутка, без интервала, беспрерывно, круглые сутки». **Шөнө** – «ночь» устойчива в семантическом отношении. Ее роль в темпоральной системе немаловажна, в частности, в выявлении значения **өдөр** – «день» “световая часть суток”.

Хоног – «сутки» подвергается анализу в подпункте 1.2.4. Если суммировать мнения ученых, то можно сказать, что **хоног** происходит от древнетюркской первоосновы **qon** (кон) – «опускаться, садиться (о птицах), поселяться, останавливаться на ночь, ночевать». От глагола хоно- образовано слово **хоноц** – «человек, путник, остающийся на ночлег». Аналог в русском языке, по данным БАС, отсутствует. Значение лексемы: *хоногийн газар* – «путь суток, расстояние ночевки, которое проходят за сутки» сохраняется, где в пространственных характеристиках присутствует временное определение. Можно говорить о сакральном характере выражения *хоногийн тоо гүйцэх* – «истекать, завершаться о количестве суток», то есть определяется срок жизни человека.

В «Сказании» всего 6 случаев употребления **хоног**, тем не менее следует отметить, что в 3 из них выступают *гурван хоног* – «трое суток», 1 раз *есөн хоног* – «девять суток», 1 раз *зургаан хоногийн газар* – «путь шести суток», что непременно связано с символикой чисел 3, 6 и 9 у монголов. Таким образом, сакральность лексемы подтверждается цифровой символикой в памятнике. **Өдөр** – «день» и **хоног** – «сутки» образуют выражение *хоног өдөр* в значении «время, дни, сутки». *Өдөр хоног өнгөрөөх* букв. «проводить день и сутки» означает «тратить время, жить без цели». Тем самым ярко представлено явление синкретизма. В однокоренном глаголе *хоногших* от **хоног** со значением «запечатлеваться, оставаться, сохраняться в памяти, не забываться, долго помниться», на наш взгляд, проявляется единство материальной и духовно-нравственной системы ценностей и даже внутренних психологических состояний человека. **Хоног** – «сутки» как одно из главных обозначений лексической системы данного языка играет немаловажную роль в группе основных временных концептов.

В подпункте 1.2.5. анализируются **жил** – «год», **он** – «лет, год». В монгольском языке *год* – период времени в 12 месяцев – обозначается двумя словами: **жил** – астрономический год, **он** употребляется в документах при упоминании годов эры. Ц. Базаррагчаа считает, что **жил** восходит к **жилугу** – «кромка у обуви» (в современном монгольском *зулаг*) в значении «связующая часть двух концов». Возникновение временного значения связано с образом бытового предмета, налицо случай яркой метафоризации. Ш. Цэцэнцогт говорит о взаимозаменяемости данных лексем, что приводит к мысли об их синкретизме. Лексема выражает идею единения времени и целостности мира, начиная с предметного образа. Слово **жил** широко распространено в других родственных языках.

В «Сокровенном сказании» оно употребляется в значении названия элементов 12-летнего животного цикла (21 раз) и является фактом того, что в начале XIII в. монголы уже ведут хронологию по животному циклу. 8 из 12 названий циклических символов, представленные в тексте, свидетельствуют о том, что время охвачено памятником достаточно полно. **Жил** – «год» при указании количества лет не употребляется, а на количество указывает темпорема **он** – «год, лет». В современном монгольском – наоборот. В данном случае произошла перетерминологизация лексем, как и в русском языке. Существуют понятия *ивээл жил* – «покровительственные годы», *ивээл бус жил* – «непокровительственные годы» и др. Покровительство может иметь разные формы, которые регламентировали духовную и нравственную жизнь, касаясь насущных проблем биологического существования. Лексема **жил** обладала большой сакральной емкостью, регулировала отношение человека с космосом – высшей силой в плане покровительства и непокровительства. Понятие *жилийн газар* – «год пути» в народной метрологии не употребляется, а носит чисто эпический характер.

Лексема **он** – «год, лет» употребляется в обозначении годов по порядку в системе летоисчисления, *он гарах* – букв. «выходить году», *онд орох* – букв. «войти в год» – «перенести год благополучно, перенести зиму и раннюю весну», дается в толковом словаре И. Дамбажав. **Он** образован от **ой** – «выходить году, достичь годовщины» с первоначальным значением «рубеж, стык двух предметов». В слове проявляется идея возникновения целого из отдельных частей. В целом, в процессе развития темпоремы **он** с учетом ее первосмысла можно отметить интересный факт энантиосемии. Выражение монгольского языка *он гарах* – «выходить году» связывает смену лет с идеей

рождаемости и появления года в качестве живого существа. При этом обращается внимание на зависимость от времени как объективной силы (доброжелательной и недоброжелательной). Отсюда фразеологическое выражение *онд орох* – букв. «войти в следующий год». Оно затрагивает бытие, здоровье и успехи, с которыми человек «входит» в рубеж следующего года. В «Сокровенном сказании» 14 раз употреблена лексема **он** – «год, лет» (пятая по частотности) в основном значении. В маньчжурском есть **fon** – «время, пора»; в бурятском, калмыцком языках – **он** – «год». Указывая на один и тот же отрезок времени, **жил** и **он** характеризуются устойчивостью в графическом и семантическом отношении, выполняют актуальную роль в темпоральной системе монгольского языка в целом.

Во второй главе «Традиции временной картины мира в русском и монгольском календарях» исследуются народные календари, ибо прежде всего в них получает очевидное отражение специфика отношения этноса ко времени. На Руси существовало 3 календаря: гражданский, церковный и народный (аграрный), которые в чем-то совпадали, но в основном расходились. Народный календарь демонстрирует соединение языческого и христианского начал: его правильнее назвать слиянием, а не двоеверием. Особый интерес для нас представляет аграрный календарь, так как он включает в себя знание природы, осмысление закономерностей жизни, народный опыт.

У монголов со времен Хунну был лунный календарь, в соответствии с ним время праздников, жертвоприношений, облавных охот строго регламентировалось. Н.Л. Жуковская различает 4 календаря: 1) годовой, связанный с сезонами хозяйства скотовода-кочевника; 2) 12-летний (малый) цикл; 3) 60-летний (большой) цикл, включавший в себя 12-летний как один из компонентов; 4) общеевропейский григорианский календарь (сменивший предыдущие в XX в.). Кроме того, существовали оригинальные способы ориентации во времени, ср., время по: а) *тарбагану* (сурок евроазиатских степей); б) солнцу в юрте; в) положению солнца на небосклоне и освещенности отдельных деталей ландшафта и др. В целом, монгольский календарь – явление весьма своеобразное и требует специального изучения.

Параграф 2.1 называется «*Русский народный календарь как отражение наивно-целостной картины мира*». В основе логико-гносеологического познания мира у древнего славянина лежало конкретно-образное восприятие окружающего мира, когда понятие еще не сформировалось, а различие между образом и значением не проводилось (А.А. Потебня, В.В. Колесов).

В русском языке каждый месяц живописуется обилием слов, характеризующих самые разные признаки и приметы: **январь** *лютый, лютовой, огневик, просинец, просий, сечень, снеговик, студень, трескун*. В.А. Миронов приводит старомонгольские наименования: второй месяц зимы носил название *дикий козел* (считалось, что день прибавляется на скачок дикого козла); **февраль** *бокогрей, бокогреушко, враль, ветродуй, вьюговей, зимобор, крутень, межень, лутый, лутый, лутень, сечень, снеговей, снежень, снежен, снежа*. По варианту бурят, февраль носил имя *изюбрь*, так как день прибавляется на скачок дикого оленя. Аналогично анализируются нами и все другие месяцы календарного года. Данные названия, основанные на состоянии природы, животного и растительного мира, отражают наивно-целостную картину мира.

Для язычника же характерны пантеистические, анимистические представления. Отсюда и синкретизм мышления, который обуславливал синкретизм слова, что подтверждается материалом народного календаря. В основе языческого прочтения святцев лежал древний, антропоморфный принцип восприятия мира, а стало быть, и времени. Имена святых были выразителями «доброго», «злого», «веселого» и «грустного», но всегда живого времени. Таким образом, можно говорить о качественном характере не только языческого, но и средневекового народного времени. Отличительной чертой временной лексики в народном календаре является способность к метафоризации, которая почти отсутствует у временных лексем в современном русском языке (В.В. Колесов). Безусловно, метафоризация имеет место в народном календаре. Формулы-фраземы составляют специфику русского календаря и наделяют конкретные дни недели, месяцы их признаками, свойствами.

Образность, качественность выражены суффиксами субъективной оценки, помогающими запечатлеть событийный и качественный характер времени: *Евдокия – плющиха; лето – припасиха, а зима подбериха* и др. Определительно-выделительная функция реализуется формой множественного числа: *Емельяны – перезимники, Мироны – Ветрогоны*. Примыкают к ним обозначения, в которых определение включает глагол-императив с объективным управлением: *Афанасий – ломонос, береги нос; Евсей – овсы отсей*.

День, неделя обозначаются словосочетанием, включающим термин и его определение: *Ильин день, вербное воскресенье, сырная неделя*. В календаре активно представлена форма множественного числа в качестве способа номинации: *Кузьмин день – Кузьминки*. Широко использовались прилагательные со значением цвета: *Белый день, Красное лето* и «света»:

Святая Пасха, Светлый день, Светлое воскресенье, качественное наполнение и сакральный смысл которых очевидны. Рифма выполняла поэтическую, гносеологическую функцию, объективируя точное время: *Пришел Федул – тепляк подул; Второй Спас всему час – шубу припас*. Важно, что настоящее временное (с отсутствием векторности) представляется как нечто объективно данное.

Наше исследование показывает, что “временной язык” народного календаря афористичен и фразеологичен. Своеобразие календарной темпоремы состояло в том, что синкрета-качественность получила развитие во временной лексике календаря, вырастая в оценочные тропы, передающие реальные события в новом виде качественности. Метафоричность могла иметь поздний характер: *июль – макушка лета, декабрь – шапка зимы* и др. Персонификация *времени* делала его одушевленным, а человека вписывало в тесный круг героев календаря: *Батюшка Наум, наведи меня на ум; Январь – батюшка год начинает, зиму величает*. Очевидно, что в календарной лексике постоянно используется прием олицетворения. Народный календарь богат эпитетами, имеющими сакральный смысл: *чистый понедельник, красная горка, светлое воскресенье*.

Наблюдения А.Ф. Лосева над поэтическим языком приложимы и к языку календаря: богатая вариантность лексических средств, обилие смысловых синонимов и тождеств по сакральной отнесенности. По материалам русского народного календаря можно проследить живой процесс народного словотворчества в системе временной лексики. Календарная лексика вбирает в себя разные исторические пласты развития языковой системы в целом, а также русской временной картины мира.

В параграфе 2.2 **«Монгольский народный календарь как отражение естественно-эмпирической картины мира»** представлена специфика монгольского календаря и названий месяцев. Дано описание четырех типов календаря, а также способов ориентации во времени: например, по местонахождению солнечного луча в юрте весь световой день от восхода до заката солнца делился на 29 временных периодов, образ жизни *тарбагана* в течение дня породил особую ориентировку во времени и др. Кроме счета по месяцам, в традиционном календаре выделяются двухнедельные полумесячные периоды (15 суток) – *улирал*, по характерным явлениям природы: 1-р улирал – «первый период» (начало 5 или 6 февраля) называется *хаврын уур орох улирал* – «период наступления весеннего испарения». Даны

характеристики всех 24 периодов в целях выявления того, насколько традиционный календарь связан с природой.

Обозначение одним и тем же словом *месяц* небесного тела и части года одинаково присуще русскому и монгольскому языкам. Изучение народного календаря позволяет сделать вывод, что в монгольском языке существовало несколько способов наименования месяцев:

I. Более древние по чертам охотничьего быта: 1-ый месяц *хуви түгээх сар* – букв. «месяц раздачи долей»; 2-ой месяц *Хужир тэнгэрийн сар* – месяц Хужир тэнгэр; 3-ий – *өвөөлж донгодох сар* – «месяц крика удода», 4-ый месяц года, первый месяц лета, май назван *хөхөө донгодох сар* – «месяц кукования кукушки»; 5-ый – *улар, хойлог исгэрэх сар* – «месяц свиста уларов и кекликов»; 6-ой – *уйиру донгодох сар* – «месяц крика птицы уйиру»; 7-ой месяц называется *хуран, гуран сар* (представлен в «Сказании»). В. Котвич *гуран* объясняет как дикий козел. На наш взгляд, слово *хуран* можно объяснить как *хур* – «дождь», *хуран сар* – месяц дождей. 8-ой месяц – *бугу сар* – «месяц изюбра»; 9-ый – *хуц нийлүүлэх сар* – «месяц случки овец»; 10-ый – назывался *кэлэбтүр сара* (разъяснений данного термина нигде нет); 11-ый *идэлэку сар* дан без перевода названия, сказано только, что в этот месяц человек и животные запасали пищу; 12-ый месяц, месяц конца зимы, в источниках назван *көгэлэр сар*. Ж. Цолоо предлагает с этим термином сопоставить *хөхөө өвөл*, где корень *хөх* – «синий» обозначает синюю морозную дымку.

II. Названия по цветовой символике (В.Н. Ключева упоминает три монгольских месяца, в основе обозначения которых положен цвет): *цагаан* – «белый», *ногоон* – «зеленый», *улаан* – «красный».

III. Названия месяцев, восходящие к именам различных божеств (найжены М.Н. Тихомировым в хронографе конца XVII в.): март месяц именуется *Барс*, апрель *Тулай бурхан*, май *Гурхан* кучя, июнь *Дуланю дулане бархан*, июль знаменует *Бага Бурхан каченей*, август *Окин бурхан Сайн*, сентябрь *Куби бурхан*, месяц октябрь *Кучарь бурхан*, ноябрь *Ельдзин бурхан*, декабрь *Кукун бурхан* или *Кахай бурхан*, генварь (январь) *Улар бурхан*, или *Калугун бурхан*, февраль *Усксен бага бурхан*.

IV. Названия по 12-летнему календарю, где в образах животных закодированы не только месяцы, но и дни недели, годы. Они имеют характеристики, связанные с животными: 1-ый месяц (примерно II.5–III.5) *бар сар* – «месяц тигра»: *барын үс дэлгэрнэ* – «шкура тигра самая подходящая для охоты» либо *барын дуу гарч гүйдэл нь эхэлнэ* – «слышен рев тигра и

происходит случая». В мифопоэтических представлениях **тигр** выступает как царь зверей и хозяин леса, как символ плодородия, жизненной силы, страсти. 2-й месяц (III.5-IV.5) *туулай сар* – «месяц зайца» характеризуется как время, когда *туулай хэвтрээсээ гарч дэгдэнэ* – «заяц выскакивает из спячки». В древних культурах **заяц** – лунное животное, символ интенсивности и плодовитости (Г. Бидэрманн). Таким образом нами описывается месяцеслов монгольского календаря.

Функционировали также названия: *зуны эхэн сар* – «месяц начала лета», *өвлийн адаг сар* – «месяц конца зимы» и др. Месяц делился на три декады по фазам луны и носил их названия: 1) *шинэ сар* – «новолуние», 2) *дэлгэр сар* – «полнолуние», 3) *сарын хууч* – «старость месяца».

В современном монгольском языке месяцы называются порядковыми числительными. Старые названия месяцев монгольского языка более информативны и представляют большой интерес в языковом отношении. Можно сказать, что монгольский язык в какой-то степени утрачивает образность слова. Картина мира, воплощающая народную культуру в целом, в значительной степени сохраняет эмпирический образ действительности. Этот вариант национального образа мира – один из самых значимых для любого этноса.

В параграфе 2.3 «**Временная картина в афористике русского и монгольского языков**» рассмотрены пословицы с временным значением, времен года. Количество переведенных монгольских пословиц с временным значением незначительно (всего 64). Как показывают русские пословицы, время – это сила, которая контролирует и предопределяет человеческие поступки: *часы на стене, а время на спине; сила во времени; время краску с лица сгоняет*; об этом же говорится и в монгольских пословицах: *всему свое время; нет суровее властелина, чем временик; упущенное время самым длинным арканом не поймашь*.

Наиболее актуальным временным отрезком для русского и монгольского языкового сознания можно считать **день**, например: *день пришел, так и есть принес; было бы счастье, а дни впереди* (рус.); *кто к лучшему стремится, тот каждым днем дорожит; за миску похлебки благодари день* (монг.).

Оппозиция день – ночь, лето – зима также отмечается в русских пословицах: *день во грехах, а ночь во слезах; помни это: зима не лето; лето собериха, зима подбериха*; также и в монгольских: *слепой ночью находит иной*

раз то, что зрячий днем не видит; летом не слоняйся, а в холода не теряйся; лето прогуляешь, зиму проплачешь.

Событийность времени, антропоморфность его восприятия отражены в пословицах: русских *время краску с лица сгоняет; время деньги дает, а на деньги времени не купишь; время красит, а безвременье чернит* и монгольских *придет время и растает снег.*

У монгольского народа жизнь измеряется по лунному календарю, что не свойственно русскому этносу. В русском языке нет такого дробного именования стадий зарождения луны и активной ориентации на ее фазы. Каждое время года в изучаемых языках – это не просто название периода времени, а и своеобразные символы: весна, с одной стороны – символ оживления всего живого, но, с другой стороны – символ непостоянства. Осень – подведение итогов, а зима – завершение земледельческих работ. Обращает на себя внимание сходство в назначении времен года: *весенний день год кормит* (рус.), *весной посеешь, осенью соберешь; осень прогуляешь, зиму проплачешь* (монг.). Через данный пласт пословиц исследуемых нами языков передается характер человека, результативность труда, не исключен и момент назидания, наставления.

Времена года получили близкую характеристику в ментальности двух народов. Тем не менее есть особенности восприятия времен года в плане употребления их номинаций. В русских пословицах слово «лето» самое частотное, за ним следуют «зима», «весна», «осень», то есть «лету» уделяется больше внимания. В монгольских изречениях слово «весна» превалирует над остальными в порядке: весна, осень, лето, зима, что подчеркивает значимость весны. Времена года, выражая крестьянский подход к ним, противопоставляются друг другу: *лето собирает, а зима поедает; корми меня в весну, а в осень и сам сыт буду; весна цветами красна, осень снопами.* Среди монгольских пословиц преобладает противопоставленность осени и весны: *весной посеешь – осенью соберешь; весна скудна, осень обильна; весною в нехватке, осенью сыт; одна осень лучше трех весен.* Эти ряды свидетельствуют о богатейших словотворческих возможностях русского и монгольского языков. В приложении даются пословицы, содержащие временные лексемы.

В **заключении** подводятся итоги исследования. В основе развития темпоральной лексики и формирования временной картины мира сопоставляемых нами языков лежало два принципа: 1) синкретизм ведущих

временных единиц в том и ином языке, двуплановость их значения: абстрактно-сакральная, реально-физическая; 2) широкая представленность темпоральных единиц в синтагме-формуле.

Время в языковой картине мира обоих языков выступает как событийное: оно живое, антропоморфное, синкретное, качественно-метафорическое.

В исследуемых языках в ранний период средневековья сформировались представления о реальном времени. Вместе с тем отношение ко времени у того и другого этноса в значительной степени сакрализовано. В их языковом сознании время выступало как отражение целостности мира, а не как конкретная мера, в отличие от современной цивилизации, с развитием которой на первый план выдвигается количественный фактор и утрачиваются некоторые качественные черты временной картины мира в том и в другом языках. Древняя темпоральность носит, безусловно, мифопоэтический характер. Миры физической и нефизической природы были соединены целостной картиной мира, что нашло отражение в содержании онтологической лексики, частью которой является временная лексика. Каждая из темпорем выступала как концепт, являлась ключевой лексемой, отражающей мировидение русского и монгольского этносов.

Необычайно своеобразны народные календари (русский и монгольский), они особенно ярко выражают наивную картину мира древнего и более позднего периода в развитии этноса. Лексика календаря в том и другом языке обладает признаками художественного слова: она образна и метафорична. Фактически каждое временное обозначение в народном календаре выступает как слово-признак, слово-определение. Народный календарь дает весьма ценный лингвистический материал по проблеме выражения языкового времени.

Народные пословицы показывают, что временные представления, будучи существенной частью языковой картины мира, получают наиболее полное отражение в языке. Изучаемая афористика дает нам представление о сходстве картины мира в русском и монгольском языках: время властно над человеком, оно сакрально, человек испытывает чувство подчиненности, уважения к нему, выстраивая с ним гармонические отношения.

Основные положения диссертации отражены в публикациях:

В научных журналах, включенных в перечень ВАК:

1. Алтанцэцэг, Д. Синкретизм временной лексики как отражение целостности мира в древнемонгольском языке (на материале «Сокровенного сказания монголов») / Д. Алтанцэцэг // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. №3. – С.125-128.

2. Алтанцэцэг, Д. Отношение к времени как отражение целостности мировосприятия: концепт *день* в русском и монгольском языках (на материале письменных памятников) / Д. Алтанцэцэг // Известия Российского Государственного Педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. № 37(80). – С. 65-71.

В других изданиях:

3. Звездова, Г.В., Алтанцэцэг, Д. Русский народный месяцеслов как сокровищница живого русского языка / Г.В. Звездова, Д. Алтанцэцэг // Язык в современных социокультурных координатах: Материалы международной научно-практической конференции (13-14 апреля 2006 г.). – Липецк, 2005. – С.13-21.

4. Алтанцэцэг, Д., Туяа, Г. Понятие *время* как культурный коннотативный компонент лексики / Д. Алтанцэцэг, Г. Туяа // Русский язык в Азии: современное состояние и тенденции распространения: Материалы форума русистов Азии и конгресса Монгольской АПРЯЛ (12-14 июня 2007 г.). – Улаанбаатар, 2007. – С.311-317.

5. Алтанцэцэг, Д. Лексемы с обозначением времен года в русских и монгольских пословицах / Д. Алтанцэцэг // Проблемы межкультурной коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции (1-2 февраля 2007 г.). – Липецк, 2007. – С.35-39.

6. Алтанцэцэг, Д. Концепт *день* в русском языке (на материале древнерусских памятников) / Д. Алтанцэцэг // Русская словесность как основа возрождения русской школы: Материалы международной научно-практической конференции (21-23 сентября 2007 г.). – Липецк, 2008. – С.161-164.

7. Звездова, Г.В., Алтанцэцэг, Д. Отражение ментальности в русском и монгольском языках: время и мир: Монография. – Липецк, 2008. (в печати).

Подписано в печать 20.11.2008
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman»
Формат бумаги 60/84 1/16. Усл. п.л. 1,0.
Тираж 100 экз. Заказ №.

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Липецкий государственный педагогический университет»
г. Липецк, ул. Ленина, 42

Отпечатано в РИЦ ЛГПУ

